

Лицо Ван Цуйхуа неловко позеленело — он и подумать не мог, что тот глупец, над которым раньше можно было издеваться и вертеть как угодно, теперь осмелится перечить и больше не станет слушаться.

Вспомнив сегодняшние события, Ван Цуйхуа понял: на Чжао Чжэнъяня рассчитывать больше не приходится. Он зло бросил на него взгляд, но в следующую секунду, будто сменив маску, расплылся в улыбке и повернулся к Чжун Цзыци:

— Цзыци-гэ, ну ты же понимаешь... мы ведь одна семья. Разве можно позволить чужим наживаться на нас?

— О? И что ты имеешь в виду? — с интересом протянул Чжун Цзыци, прекрасно понимая, к чему тот клонит.

— Тебе ведь сейчас нужны овощи, да? У нас в огороде их полно — бери сколько хочешь, — не выдержав, сразу перешёл к делу Ван Цуйхуа.

— Вот как... — Чжун Цзыци сделал вид, что задумался. — Значит... можно обойтись и без денег?

Улыбка Ван Цуйхуа застыла, лицо дёрнулось.

— Ну... сам понимаешь, у нас дела обстоят тоже непросто... твоему младшему брату уже двенадцать, через пару лет жениться... семья не из богатых...

— Стоп, — перебил его Чжун Цзыци, скривившись. — Хватит этого «дела обстоят тоже непросто». Меня от этого уже воротит. Мы давно разделились, ясно? Разделились. Тогда ведь договорились — никакого вмешательства в чужие деньги. Или у тебя с память проблемы? Хочешь, я найду расписку и ещё раз вслух прочитаю?

— Ты!.. — Ван Цуйхуа больше не стал притворяться, возвращаясь к своему настоящему лицу. — Ах ты, Чжун Цзыци, крылья отрастил, да? Сегодня либо даёшь мне деньги, либо я отсюда не уйду!

Чжун Цзыци тихо хмыкнул. Затем резко изменился в лице — глаза тут же наполнились слезами, выражение стало обиженным. Он прильнул к Чжао Чжэнъяню:

— Чжэнъянь... амо меня обижает... выгони его, пожалуйста...

Чжао Чжэнъянь мгновенно всполошился, суетливо начал утешать свою обиженную жену. Теперь в его мире Чжун Цзыци был самым главным. Даже если перед ним стоял его амо — но обижать жену было нельзя.

С нахмуренным лицом он шагнул вперёд.

— Ты... ты что собираешься делать?! Я тебе говорю, я твой амо! Как ты можешь помогать чужому человеку?! Не подходи!! — в панике отступал Ван Цуйхуа, срываясь на крик.

— Жена — не чужая!! — ещё больше рассердился Чжао Чжэнъянь.

Он схватил Ван Цуйхуа за руку, силой вытащил его за двери, а затем тут же захлопнул их обратно.

Чжун Цзыци, наблюдая за этим, едва сдержал довольную улыбку.

— Ах так... вы... вы вдвоём решили меня потравить?! Ладно, я пойду — пусть люди рассудят, кто прав! — Ван Цуйхуа с грохотом колотил в двери, но, не добившись ответа, в конце концов остановился и, кипя от злости, ушёл прочь.

Чжун Цзыци слушал, как шаги постепенно затихают вдаль, и на его лице появилось явное удовольствие.

— Жена... не злись, — осторожно уговаривал Чжао Чжэнъань, крепко сжимая в своей ладони его гладкую, тёплую руку.

— Мм? Я и не злюсь. Пока я его не вижу — я не злюсь, — совершенно серьёзно ответил Чжун Цзыци, ни капли не чувствуя необходимости объяснять, что только что ловко разыграл сцену.

Простодушный Чжао Чжэнъань крепко запомнил слова жены. Раз супругу не нравится амо... значит... значит, и ему не должен нравиться?

Чжун Цзыци, конечно, и не догадывался, какие выводы тот сделал. Он вернулся в дом, размышляя о том, что с характером Ван Цуйхуа тот вряд ли успокоится. Скорее всего, пойдёт по деревне распускать грязные слухи о них двоих. Впрочем... его собственная репутация и так уже оставляет желать лучшего. Разве может стать ещё хуже?

И, как он и предполагал, едва вернувшись от них, Ван Цуйхуа направился туда, где всегда собиралось больше всего людей — под несколькими большими деревьями в центре деревни. Лето стояло жаркое, под тенью сидело множество народу.

Сделав вид глубоко обиженного, Ван Цуйхуа подсел к ним и начал громко жаловаться на Чжун Цзыци, не забыв заодно приплести и Чжао Чжэнъаня. Но, по правде говоря, предъявить что-то действительно серьёзное он не мог, так что всё сводилось к привычным упрёкам: «бессовестный», «жестокий», «неблагодарный» и тому подобное...

По сравнению с теми отвратительными слухами, что ходили раньше, это звучало почти безобидно. К тому же теперь многие семьи скорее старались угодить Чжун Цзыци, чем ссориться с ним. Лишь те, кто и прежде был близок с Ван Цуйхуа, поддакивали ему, поддерживая его возмущение парой сочувственных слов.

К вечеру в двери дома Чжун Цзыци снова постучали.

— Чжэнъань, сходи посмотри, кто там. Если незнакомый — не впускай, — сказал Чжун Цзыци, не отрываясь от готовки.

Чжао Чжэнъань откликнулся, подбросил в печь последнюю охапку дров и пошёл открывать. За дверью стоял Чжао амо с большим плетёным корзом за спиной.

— Чжао амо, — послушно поздоровался Чжао Чжэнъань и выпустил его.

— Ох, а Цзыци-гэ дома? — спросил тот, заходя внутрь.

— На кухне, — указал Чжао Чжэнъань, закрывая дверь и следуя за ним.

— Цзыци-гэ? — позвал Чжао амо, заглянув на кухню.

— Чжао амо? Как это вы сюда? — удивился Чжун Цзыци. Он поднялся, прикрыл крышкой котёл и подошёл к тазу, чтобы вымыть руки.

Чжао амо загадочно улыбнулся, осторожно снял тяжёлую корзину со спины:

— А ну-ка глянь, что у меня.

Он откинул ткань, которой была накрыта корзина.

Внутри, прижавшись друг к другу, лежали два чёрных, блестящих щенка. Увидев свет, они тихонько заскулили.

— Щенки!! — радостно воскликнул Чжао Чжэнъань, глаза у него сразу засияли. Ему ужасно хотелось погладить их, но он не решался.

Чжао амо достал малышей. Самый маленький был длиной примерно с две взрослые ладони, второй — чуть крупнее, на полголовы больше. Их шерсть при ближайшем рассмотрении оказалась не совсем чёрной — кое-где пробивались рыжеватые оттенки. Оказавшись в незнакомом месте, они не осмеливались разбежаться: осторожно обнюхивали всё вокруг, время от времени тихо тьявая.

— Сегодня я ходил к родным, — сказал Чжао амо. — Вот, выпросил для тебя этих двоих. Слишком маленькие — толку от них пока никакого, дом не охранят. Слишком большие — не привыкнут к новым хозяевам. А такие — в самый раз. Потом вырастут примерно вот такими, — он вытянул руку, показывая размер.

— Огромное вам спасибо, Чжао амо, — в глазах Чжун Цзыци тоже мелькнула тёплая радость. С самого детства он любил всё пушистое и когда-то мечтал завести себе питомца, но в семье не позволяли — пришлось отказаться от этой мысли.

— Да брось ты, за что тут благодарить! У них щенков полно, как раз искали, кому бы пристроить. Как услышали, что есть желающие, так сами обрадовались!

Чжао Чжэнъань уже присел на корточки, глуповато, но счастливо улыбаясь, и с интересом рассматривал щенков, которые в ответ уставились на него.

— Жена, а что они едят?

— Принеси им кость, посмотри, будут ли.

Чжао Чжэнъань тут же метнулся и нашёл мясную косточку, аккуратно положил её перед щенками.

Оба щенка с интересом обнюхали угощение... но есть не стали.

— Жена, они не едят! — разочарованно протянул Чжао Чжэнъань.

— Они ещё к нам не привыкли, — спокойно ответил Чжун Цзыци. — Со временем освоятся. Ты побудь с ними, смотри, чтобы не разбежались, а я с Чжао амо поговорю.

— Угу! — Чжао Чжэнъань поспешно закивал.

Чжун Цзыци вместе с Чжао амо прошёл в гостиную. Он налил чай, подал гостю и сел напротив.

— Чжао амо, как идут дела со сбором овощей?

Тот отпил чай и только потом ответил:

— В целом неплохо... но, если брать только у тех нескольких семей, что мы сейчас держим, — скоро уже будет мало.

Чжун Цзыци ненадолго задумался, затем сказал:

— Тогда давайте так. Людей в деревне мы и так уже достаточно «поморозили». Можно начать принимать и у остальных. Мы ведь тут живём — слишком давить на всех не стоит, лишних врагов наживать ни к чему. Зато можно будет оказать им услугу, и они это запомнят.

— Хорошо, сделаем по-твоему, — кивнул Чжао амо. — Я как раз хотел об этом заговорить, а ты сам предложил. Надо же... такой юный, а рассуждаешь уже как взрослый.

Он невольно восхитился: жизнь действительно быстро закаляет людей.

— Только есть несколько человек... у них лучше не брать, — добавил Чжун Цзыци, и на его губах мелькнула холодная, лукавая улыбка.

...

На самом деле Чжун Цзыци удивляло другое — семья Чжун вела себя подозрительно тихо. Ни единого движения, ни намёка на вмешательство. Такая выдержка даже вызывала уважение... но вместе с тем казалась странной.

Даже Ван Цуйхуа уже не выдержал и всплыл на поверхность, а они всё прячутся в тени... это было слишком неестественно.

Неужели семья Чжун и правда не хотела вмешиваться?

Хотела. Ещё как хотела.

Да только, несмотря на то что овощей у них было немало, именно огурцов и томатов — тех, что сейчас скупал Чжун Цзыци, — оказалось не так уж много. Предложить им было почти нечего, и потому им пришлось отступить.

И таких семей в деревне было немало: у многих огород давал лишь столько, чтобы прокормить себя. Видя, как Чжун Цзыци скупает урожай, они, конечно, завидовали — да ещё как. Но если нечего продать, тут уж ничего не поделаешь.

Теперь по всей деревне говорили, что Чжун Цзыци стал человеком с хваткой: занялся делом, зарабатывает большие деньги, да ещё и проявляет щедрость — скупает овощи у односельчан. Как тут не завидовать, не жалеть, не кусать локти?

И всё же... кровь есть кровь. Как ни крути, родственные узы так просто не разорвать. По крайней мере, так утешали себя люди из семьи Чжун.